

Над самой водой, едва касаясь глади трепещущими крыльями, пролетела стрекоза и опустилась прямо на носик маленького кролика.

Хан Цзянсюэ звонко чихнул — так, что сам от этого проснулся. Крылатый нарушитель его покоя, разумеется, тут же вспархнул и улетел.

Потирая глаза пушистыми лапками, Хан Цзянсюэ огляделся по сторонам и с удивлением понял: вокруг всё незнакомое.

Ещё вчера, едва он добрался до реки, его уже поджидал Дедушка Черепаха — Шоусуй. У людей своя дорога, у демонов — своя. Людям привычно скакать верхом, летать на мечях или ходить на облачных ковчехах, а вот мелкой нежити да зверью остаётся либо топтать пешком, либо напрашиваться в попутчики к какому-нибудь могучему бессмертному яо. Дедушка Черепаха из года в год извозничал и бережно относился к чужому кошельку: куда бы ты ни направлялся, лишь бы не в Мир вне миров, плати горстку духовных жемчужин — и поезжай себе на здоровье.

Прижимая к груди узелок с вещами, Хан Цзянсюэ нервно облизнулся.

«Отчего сегодня столько нечисти в путь собралось? Вдруг мне места не хватит?»

— Не шуметь, не галдеть! — звучно оглашал правила Дедушка Черепаха, более всего терпеть не имевший бестолковой суматохи. — Те, что потяжелее, усаживаются ко мне на панцирь! А мелкота пусть сворачивает лодочки из листьев да привязывает их к моему хвосту!

Хан Цзянсюэ мгновенно зажал рот лапками. Лодочку из листочка ему категорически не хотелось! С трудом вырвавшись из дома, он мечтал гордо восседать на панцире Дедушки Черепахи — вот это была бы настоящая зрелищность! К тому же среди духовных тварей процветала строгая иерархия по размеру: чем ты меньше, тем больше на тебя смотрят свысока. Так что даже ради приличия нельзя было первому идти к этим листочкам!

Мелкие демоны один за другим карабкались на панцирь. Когда же дошла очередь до Хан Цзянсюэ, Дедушка Черепаха вдруг демонстративно прокашлялся:

— Кхм... Эй, детёныши, чей вес не превышает пары мясных баоцзы, перебирайтесь-ка в листовые лодочки! Иначе тем, кто потолще, места не хватит, и они никуда не уедут!

Все зверята как один уставились на Хан Цзянсюэ. А тот, обнимая свой узелок, с преувеличенным интересом уставился в небо.

Дедушка Черепаха откашлялся ещё раз:

— Хан Цзянсюэ!

Пришлось отвечать. Хан Цзянсюэ тут же разыграл невинность:

— Ах! Раз места нет, я могу и в лодочке поплыть! Но вообще-то я гораздо тяжелее каких-то там двух баоцзы!

Остальные демонята и Дедушка Черепаха молча переглянулись. Что ж, сделаем вид, будто поверили.

С самым независимым видом Хан Цзянсюэ уселся в листовую лодочку и заботливо привязал бечёвку к хвосту Дедушки Черепахи.

— Погнали-и-и! — протяжно крикнул Дедушка и стрелой рванул по водной глади.

Вопреки расхожему мнению о медлительности черепах, Дедушка перемещался с поразительной скоростью — иначе как бы ему удалось монополизировать весь извоз в радиусе сотен ли?

Хан Цзянсюэ не удержался и восторженно пискнул. Вцепившись обеими лапками в края своей импровизированной ладьи, он дрожал вовсе не от страха, а от дикого, захлёстывающего восторга: «Я отправился в путешествие!»

Однако переизбыток эмоций быстро истощил силы кролика. Полакомившись припасённой снедью и сладостями, Хан Цзянсюэ поглядел на уныло мелькающие за бортом вереницы гор да вод и задремал.

А когда проснулся от собственного чиха, окружающий пейзаж изменился до неузнаваемости. Вокруг простиралось безбрежное царство снега, а по воде плыли крошечные льдинки. На прибрежных чёрных валунах лежал толстый слой инея, и даже вековые сосны гнулись под тяжестью пушистых сугробов.

— Дедушка Черепаха, а где это мы? — Хан Цзянсюэ встал на цыпочки, опираясь лапками о край листочка, но обнаружил, что на панцире старого извозчика не осталось ни единого пассажира.

— Проснулся-таки? Ох и крепко же спят нынче молодые демоны! Минуем этот мыс — а там и Обитель Опавших Персиков покажется.

Хан Цзянсюэ просиял от счастья и принялся радостно подпрыгивать в своей лодочке:

— А какова она, Обитель Опавших Персиков? Неужели и вправду все горы и доли там усыпаны цветущими персиками?

— Именно так. Я как ни проплываю мимо, непрерывно чихаю — пыльцы там хоть отбавляй.

— А правда, что все там летают на мечях и только и делают, что разящие удары наносят да демонов изводят?

— Кабы так, мы с тобой бы уже дух испустили! Нынче бездумная рубка налево и направо давно вышла из моды.

Пока они так беседовали, Хан Цзянсюэ заметно повеселел, как вдруг Дедушка Черепаха резко замер.

Тяжёлым, тревожным взглядом старик всматривался в пролётшую впереди водную гладь и сдержанным жестом повелел кролику затаиться. Хан Цзянсюэ мгновенно затих. Чутьё нечисти и лесных духов крайне тонко: появление чужеродной, могущественной силы они ощущают загодя.

Дедушка Черепаха негромко и с глубоким почтением произнёс:

— Приветствую тебя, почтенный Водный владыка! Какая сила преграждает нам путь? Я — малое существо Шоусуй с горы Туло, сотни лет курсирую по этим водам и исправно приношу дань каждому хозяину рек. Неужели обошёл кого вниманием? Укажи, и я сию же секунду восполню упущение.

Пока он говорил, Шоусуй незаметно отцепил бечёвку листовой лодочки и передал Хан Цзянсюэ мысленное послание:

"Елико случится неладное, я тут же переброшу тебя на берег".

Хан Цзянсюэ тем временем крепче сжал в лапке деревянный мечик, спрятанный в узелке. Если встретится свирепое чудовище, придётся задать ему трёпку! В книгах ведь ясно написано: стоит главному герою покинуть родные края, как на пути обязательно встанет кровожадный злодей!

Речная гладь забурлила, точно закипающий котёл, будто из глубины наверх поднималась неимоверная туша. В следующий миг вода сокрушительно распахнулась, и к небесам воздвигся Лазурный речной дракон, подобный величественному горному пику! Быстрое течение притихло, зажатое его исполинским телом.

Вся округа признала в нём своего повелителя: вокруг мгновенно смолкли даже пичуги. Проходит дракон — прочие твари замирают.

Ящер приоткрыл пасть, выставив ряды острых как лезвия зубов. Хан Цзянсюэ с замирающим сердцем ждал нападения, но с небес донёсся мысленный глас:

— Я — новоназначенный Водный владыка этих мест. И ты мне дань ещё не платил.

Хан Цзянсюэ и Шоусуй онемели. Надо же... Всего лишь неопытный юнец.

Достав из сумки ста сокровищ немного рыбы и креветок, Шоусуй расплатился со свежее испечённым драконом и беспрепятственно продолжил путь. Впрочем, удивляться нечему: Обитель Опавших Персиков находилась совсем рядом, какая нечисть осмелилась бы чинить здесь бесчинства? Напрасно испугались.

И старик, и кролик вытерли платочками холодный пот. Однако встряска не прошла для Шоусуя даром: не доплыв до цели совсем немного, он пристал к берегу, тяжело дыша.

— Пусть даже этот Владыка — лишь новорождённый дракон, но он всё равно дракон. Мы, черепахи, подвластны их роду. Встреча с ним лицом к лицу так всколыхнула мою духовную суть, что теперь дыхание перехватило...

Хан Цзянсюэ давным-давно выбрался на сушу. Он быстро набрал речной воды, вскипятил её, напоил старика, а затем принялся своими крошечными лапками разминать ему шею — плеч-то у черепахи нет.

Увидев, что Шоусуй собирается снова пуститься в путь, Хан Цзянсюэ наотрез отказался садиться в лодку:

— Раз Обитель Опавших Персиков уже совсем рядом, я доберусь пешком! Подумаешь, пару дней прогуляюсь, я ведь никуда не спешу! А вы отдыхайте, дедушка!

Кролик с узелком за спиной низко поклонился старику и в три прыжка скрылся за деревьями. Шоусуй даже окликнуть его не успел.

Глядя вслед шустрому зверьку, старик лишь вздохнул:

— Водой-то оно быстро, а вот посуху предстоит неблизкий край... Хоть бы догадался дорогу спросить, если заблудится!

Впрочем, такое известное место, как Обитель Опавших Персиков, трудно упустить из виду, верно?

А Хан Цзянсюэ между тем искренне недоумевал: отчего вокруг нет ни души?

Снег валил без остановки, даже звериных следов не видать. Спросить дорогу было не у кого, и ему оставалось лишь идти вдоль русла реки всё выше и выше в гору.

Ночью стало темно и ветрено. Найдя чистую, лишённую посторонних запахов пещеру, кролик разжёг костёр. Чёрствые, жёсткие коржики, поджарившись на огне, сделались мягкими и душистыми. Хан Цзянсюэ аппетитно пожёвывал их маленькими укусами, слушая завывание метели снаружи и крепче прижимая к себе узелок.

— Ничего, ничего страшного, — тихо подбадривал он себя.

У него есть средство! Чего бояться темноты или холода? Да чего бы то ни было! Пока с ним эта вещь, никакой страх ему не введом. Достав из узелка заветную книжицу, он перечитал заголовок: «Битва бессмертного мечника Обители Опавших Персиков против девятидесяти девяти небесных демонов».

На страницах романа мечник из Обители появлялся в самый критический миг — ровно тогда, когда небесный демон уже разинул пасть на маленького кролика, — и одним взмахом клинка развевал по ветру всех девятьсот девятидесяти девять тварей!

«Седовласый мечник усмехнулся: "Коли желаешь постичь искусство меча, держи путь в Обитель Опавших Персиков. Мы обучим каждого, пусть даже ты — всего лишь кролик"».

Дочитав, Хан Цзянсюэ с чувством глубокой радости свернулся калачиком у огня и уснул.

Во сне он словно вновь вернулся в те дни, когда матушка-кошка впервые принесла его в зубах в своё логово.

Все духи и демоны находили Хан Цзянсюэ странным. Кому не ведомо, что семейство Сянской Девы Зеленых Вод состоит из могущественных великих яо? И надо же было им приютить такого заморыша! Духовных сил у него кот наплакал, росточком с вершок — проглотить и не заметишь.

А слабость в мире демонов равносильна бесполезности. В детстве Хан Цзянсюэ доставалось немало обид.

Кролики от природы ранимы и чувствительны, однако свои невзгоды он никогда не показывал ни матушке-кошке, ни старшим братьям и сёстрам. Переносил всё молча, он изо дня в день встречал родных лишь радостной улыбкой, а со временем научился использовать свои малые размеры и ловкость, чтобы давать сдачи обидчикам.

К тому моменту, как он вырос и обрёл человеческий облик, в горах не осталось ни одного малого демона, смеявшего его задеть. Хан Цзянсюэ старался изо всех сил с одной лишь целью: с гордостью заявить всему свету — я ребёнок из дома Сянской Девы Зеленых Вод!

Пусть сейчас он совсем кроха, весом и ростом в какие-то два баоцзы, но в будущем станет сильным и великим, и никому не позволит усомниться в своём роде!

Проснувшись, Хан Цзянсюэ наострил длинные ушки — он снова был полон бодрости! Поправив одежду и крошечные башмачки, кролик взвалил узелок на плечи и продолжил путь.

Вскоре ему улыбнулась удача: на ветке у дороги отдыхали две упитанные горные пичуги. Хан Цзянсюэ тут же обратился к ним за помощью:

— Пик-пик-пик?

— Чирик-чирик!

— Пик-пик-пик?

— Чирик-чирик-чирик! Иди всё время вперёд, пока не увидишь море цветущих персиков!

Кролик и птички обменялись ещё парочкой понятных лишь им фразочек, после чего пичуги, явно куда-то спешившие, снялись с места:

— Чирик-чирик! Толстый Картофель, пора домой обедать!

— Чирик-чирик-чирик! Иду я, иду! Чего раскричался, Маленький Батат!

Помахав им вслед лапкой, Хан Цзянсюэ пошагал дальше.

Вот только он ещё не знал, что слово «вперёд» таит в себе бесконечное множество направлений: ведь идти вверх — это тоже вперёд, и идти вниз — тоже.

Пронизывающий холод нагонял сонливость, но кролик подбадривал себя: цель уже близко, надо терпеть! Преодолев очередной горный хребет, Хан Цзянсюэ оступился и покатился кубарем по заснеженному склону.

Опомнившись у подножия, он поднялся на лапки и застыл, изумлённый увиденным, даже забыв подобрать упавший узелок.

В представлении зверька, никогда прежде не покидавшего родных мест, нежные персиковые цветы и холодные белые сугробы никак не могли сойтись в одном времени года.

Но прямо перед ним, точно опрокинулась драгоценная шкатулка с румянами самой Западной Владычицы-матери, развернулось пышное, ослепительное море оттенков: нежно-розовые,

белоснежные, пунцовые и густо-алые лепестки покрывали чистый, нетронутый снег.

Дерево за деревом, вопреки законам природы, с гордым непокорством высились среди снегов, черпая силу в лютом морозе и распуская тысячи пылающих бутонов.

Хан Цзянсюэ видел персиковые деревья и на горах Туло, но там они были иными. Здесь же каждая ветвь, казалось, пылала на пределе жизненных сил; тяжёлые, крупные соцветия прижимали к земле гибкие побеги, словно из самого сердца ледяных гор выплеснулась горячая алая кровь.

Затаив дыхание, Хан Цзянсюэ ступил на узкую тропку, вилявшую среди деревьев. Миновав несколько поворотов, он увидел усадьбу, укрытую за белыми стенами под зелёной черепичной крышей.

Остановившись у закрытых ворот, кролик молитвенно прижал лапку к груди и с глубоким почтением постучал:

— Хан Цзянсюэ с горы Туло прибыл в Обитель Опавших Персиков, дабы проситься в ученики! Умоляю почтенного бессмертного явить свою милость!

Тишина была ему ответом.

Впрочем, кролик не удивился: путь постижения Дао тернист, и Хан Цзянсюэ заранее готовил себя к испытаниям. У столь великой обители наверняка строго устроен уклад.

Однако он никак не ожидал, что прождать придётся целых три дня.

За это время он успел соорудить у ворот крошечный шатёр.

«Если просижу здесь ещё немного, можно будет и грядку разбить».

Даже дрожа от стужи в своём убежище, он шептал во сне с глубокой верой:

«Почтенный бессмертный, примите меня в ученики...»

И вот на исходе третьей ночи ворота, казавшиеся навечно запертыми, бесшумно отворились.

К мизерному шалашику подошла одинокая тень. Незнакомец протянул руку и аккуратно вызволил кролика из его убежища. Живительное тепло, исходившее от ладони, заставило Хан Цзянсюэ очнуться.

Раскрыв глаза, он обомлел: перед ним стоял настоящий бессмертный.

Мужчина в алом одеянии восседал на ступенях у входа, и кроваво-красные полы его халата живописно расстилались по белоснежному снегу. Волосы его не были стянуты в узел — смоляные пряди свободной волной спадали на плечи. Он смотрел на Хан Цзянсюэ сверху вниз, и хотя его очи обладали редкой, пленительной красотой, в них не теплилось ни искры света — лишь бескрайняя, выстуженная ветром пустота.

С его появлением даже лунный свет в небесах, казалось, померк.

Хан Цзянсюэ не раз представлял себе бессмертных мастеров: все они в его мечтах были седовласыми старцами с длинными бородами и в развевающихся белых одеждах. Но он и помыслить не мог, что предводитель бессмертных окажется столь благородным и ослепительным — подобно знатному господину из столицы, привыкшему сорить золотом, но покидающему шумные подмостки ради тишины, чтобы в одиночестве любоваться редким цветком у заброшенного алтаря.

Вокруг царило полное безмолвие, даже снегопад утих.

Бессмертный склонил голову и спросил; голос его прозвучал точно чистая струна цитры:

— Чего ты желаешь?

Хан Цзянсюэ заврожённо смотрел на него и лишь спустя добрую минуту решился вытащить наружу заветную мечту, что с самого детства бережно хранил в глубине сердца:

— Я хочу стать вашим учеником.

Бессмертный молча взирал на него. Кролик пред ним был столь мал и невесом, что, казалось, его мог унести лёгкий порыв ветра. И всё же этот малыш добрался сюда один и прождал три дня и три ночи.

Вот только...

— Я не беру учеников.

Эти четыре слова прозвучали абсолютно ровно, без единой эмоции. Он не просто ответил малышу — он словно произнёс нерушимую истину этого мира. И хотя кролик всё ещё стоял перед ним, во взоре бессмертного не отражалось ничего, словно весь мир вокруг обратился в ничто.

<http://bllate.org/book/20471/2106062>